

Неустроев
Анатолий Александрович
(1941–1992)
Капитан малого плавания
ПКМУ-1965

КМП № 208334/688 от 25.03.1970 г.

Родился 25 марта 1941 г. в Биробиджане и вместе с закадычным другом детства Валерием Смирновым в 1960 году поступил в ПКМУ. В училище отличался прилежностью к морским наукам, любил астрономию, был ровно дружен со сверстниками, очень хорошо относился к курсантам младших курсов, никогда не помыкал ими, но особенно, будучи старшим на дежурствах, был строг к младшим, но справедлив.

Мы хорошо узнали друг друга, когда в 1968 году, получив первый рабочий диплом ШМП, я пришел на свой СРТМ-8-411 к Г.Н. Холодену. Толя Неустроев уже был 2-м помощником капитана, и мы жили в одной каюте.

Анатолий, по окончании ПКМУ в 1965 году, работал матросом в УТРФ до 3.11.1966 года, то есть более года, а, получив первый рабочий диплом ШМП № 215/66 от 3.11.1966 г., штурманит и довольно успешно на судах УТРФ, оставшись там после отделения крупнотоннажного флота в УОР (из УТРФ).

25 марта 1970 года, в день своего рождения, получает диплом КМП.

Наша встреча в мае 1970 года во Владивостоке вызвала у меня большое удивление и радость, когда на мою замену 3-м помощником капитана-директора ПБ “50 лет Октября” прибыл из Петропавловска-Камчатского ни кто иной, как Анатолий.

Вскоре мы расстались и встретились через два года. А было это так.

Я находился на берегу в отпуске и готовился к аттестации на старшего помощника капитана. Мы жили тогда на Вилуйской, 22 в частном доме. Был сентябрь 1972 года. Я занимался во дворе какими-то хозяйственными делами, когда кто-то постучал в калитку. Я подошел, открыл. За калиткой стоял молодой худощавый парень и молчал, как будто что-то ждал от хозяина. Я ответил ему на приветствие и спросил, что он хотел. Мой вопрос его явно смутил, и он продолжал молчать, но легкая улыбка скользнула по его лицу. Эта улыбка что-то мне напоминала, но что? Какое-то время мы стояли молча. Я силился вспомнить владельца этой улыбки, а он ждал результата моей мозговой атаки.

“Толя, это ты?!!” “Да, это я - Неустроев”. Мы обнялись. Не дожидаясь моих вопросов, он прочитал мне краткую вводную про то, что откуда-то свалился на него сахарный диабет. Мы долго разговаривали о работе, о его успехах на ПБ “50 лет Октября”, про семью, про сына, которому уже более двух лет и о том, что врачи категорически запрещают ему работать на флоте – только на берегу, рядом с поликлиникой. Ежедневно необходимо делать две инъекции инсулина, контролировать уровень сахара в крови, еженедельно посещать эндокринолога, ежемесячно получать ампулы с инсулином, по среднему уровню сахара в крови, корректировать дозу инъекций инсулина. В общем, хлопот хватает.

Конечно, все рассказанное Анатолием говорило о том, что он крайне недоволен создавшейся ситуацией, но видно было, что ради семьи, ради сына, он перестроится, он найдет себе работу на берегу, он будет каждое утро и вечер, изо дня в день, кипятить шприц и колоть инсулин, пить таблетки, но все равно продолжать мечтать о море.

Тогда я еще не совсем понимал, что это за болезнь, с ней я столкнулся и сам, но, к счастью, только лишь, когда мне было за 50 лет. А тогда я смотрел на Толю, худого, прямо тощего, не понимая, как такое может произойти с молодым, пышущим здоровьем человеком еще два года назад и МОРЯКОМ! Мне было по-мужски жалко его. Но мы такие эмоции всегда убирали поглубже. И до конца жизни мы продолжали дружить с Неустроевыми, особенно мы сблизились, когда в феврале 1980 года я ушел с мостика и работал теперь в руководстве Камчатрыбпрома. Зимой мы еженедельно ходили в лыжные походы с сыновьями, а летом выбирались по грибы и по ягоды. Праздновали вместе все праздники. Переписывались и перезванивались с Анатолием и Анной, когда учился в Академии и работал во Владивостоке и Севастополе.

Очень сожалею, что 17 февраля 1992 года в круговороте событий, последовавших за ликвидацией СССР и началом развала рыбного хозяйства Юга, не смог я проститься с Толей, когда коварная болезнь поставила свою финальную точку. Ему было всего пятьдесят...